

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

СЕБАСТЬЯН ФИТЦЕК

Чрезвычайно захватывающе,
увлекательно

Men's Health

Национальный бестселлер № 1
от самого известного немецкого автора
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРИЛЛЕРОВ

ИНКВИЗИТОР

Продано **12 000 000** экземпляров

Иностранный детектив

Себастьян Фитцек

Инквизитор

«Центрполиграф»

2008

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

Фитцек С.

Инквизитор / С. Фитцек — «Центрполиграф»,
2008 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08975-5

Три женщины – молодые, красивые, жизнерадостные – неожиданно исчезают. А когда их наконец находят, они морально сломлены, словно заживо похоронены в собственном теле. И это последствия всего одной недели пребывания во власти психопата, которого пресса окрестила Инквизитором. Перед самым Рождеством Инквизитор снова активизируется – и, как специально, в фешенебельной психиатрической клинике. Незадолго до того, как из-за снежного шторма клиника оказывается отрезанной от внешнего мира, врачи и пациенты со страхом сознают, что к ним доставили никем не узнанного преступника. Невольные узники отчаянно пытаются защитить друг друга. Но в ночь ужаса Инквизитор заставит их почувствовать, что никому не спастись...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-227-08975-5

© Фитцек С., 2008
© Центрполиграф, 2008

Содержание

Медицинская карта № 131071/VL	6
71 день до страха	6
Сегодня, 10:14 – спустя много-много лет после страха	9
Медицинская карта № 131071/VL	13
17:49, за день до сочельника – девять часов и сорок девять минут до страха	14
17:56	17
Флешбэк	18
18:07	20
18:17	22
18:23	24
18:31	28
18:39	30
18:56	33
19:06	34
19:10	35
19:18	37
19:24	39
00:26, сочельник – три часа и двенадцать минут до страха	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Себастьян Фитцек

Инквизитор

© 2008 by Verlagsgruppe Droemer Knaur GmbH & Co. KG, Munich, Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Посвящается Герлинде

Я не боюсь умереть.

Я просто не хочу при этом присутствовать.

Вуди Аллен

Медицинская карта № 131071/VL

71 день до страха

К счастью, все это было лишь сном. Она не была голой. И ее ноги не были привязаны к допотопному гинекологическому креслу, в то время как сумасшедший раскладывал на ржавом столике свои инструменты. Сначала она не поняла, что же такое он держит в руке, покрытой запекшейся кровью. Потом, разглядев, захотела закрыть глаза, но у нее не получилось. Она не могла отвести взгляда от раскаленного паяльника, который медленно приближался к ее телу. Потому что незнакомец с обожженным лицом оттянул ей веки и зафиксировал их пневматическим степлером в глазницах. Она думала, что ничего сильнее этой боли ей уже не придется испытать до конца оставшейся, предположительно недолгой, жизни. Но когда паяльник исчез из поля ее зрения, а между ног становилось все горячее, она догадалась, что мучения последних часов были лишь прелюдией.

В тот момент, когда ей уже показалось, что она чувствует запах горелого мяса, все стало прозрачным. Промозглый подвал, куда ее притащили, моргающая галогенная лампочка, пыточное кресло и металлический столик испарились – и осталась только черная пустота.

«Слава богу, – подумала она, – это всего лишь сон». Открыла глаза. И ничего не поняла.

Кошмар, в котором она только что находилась, не исчез, а видоизменился.

«Где я?»

Судя по обстановке, это был убогий гостиничный номер. Покрывало, все в пятнах, на ветхой двухместной кровати, было таким же грязным и прожженным во многих местах, как и коричнево-зеленое ковровое покрытие на полу. Тот факт, что она ощущала жесткий ворс под ногами, заставил ее еще сильнее сжаться на неудобном деревянном стуле.

«Я босиком. Почему я без обуви? И зачем сижу в каком-то сомнительном мотеле и пялюсь на мигающую настроечную таблицу черно-белого телевизора?»

Вопросы отскакивали от черепной коробки, как бильярдные шары от бортиков стола. Неожиданно она вздрогнула, словно от удара. И посмотрела на источник шума. На дверь. Та вздрогнула раз, другой и наконец распахнулась. В комнату вломились двое полицейских. Оба в форме, оба вооруженные, насколько она смогла рассмотреть. Сначала они наставили оружие на нее, но потом медленно опустили, и напряженное беспокойство на их лицах сменилось растерянностью и ужасом.

– Черт, что здесь произошло? – спросил полицейский поменьше ростом, который выбил дверь и первым ворвался в комнату.

– Санитары! – крикнул другой. – Врача! Нам срочно нужна помощь!

«Слава богу», – подумала она уже во второй раз за несколько секунд. От страха она едва могла дышать, все тело болело, а от нее самой пахло фекалиями и мочой. Все это – и тот факт, что она не знала, как попала сюда, – сводило ее с ума, но сейчас перед ней хотя бы стояли двое полицейских и хотели вызвать медицинскую помощь. Это было плохо, но все равно значительно лучше, чем сумасшедший с паяльником.

Спустя несколько секунд в комнату вбежал лысый врач скорой помощи с сережкой в ухе и опустился перед ней на колени. Очевидно, полиция приехала сразу в сопровождении кареты скорой помощи. Тоже дурной знак.

– Вы меня слышите?

– Да... – ответила она врачу, синие круги под глазами которого походили на татуировки.

– Похоже, она меня не понимает.

– Да нет же, понимаю. – Она хотела поднять руку, но мышцы ее не слушались.

– Как вас зовут? – Врач вытащил из нагрудного кармана рубашки ручку-фонарик и посветил ей в глаза.

– Ванесса, – прохрипела она и добавила: – Ванесса Штрассман.

– Она мертва? – услышала она голос полицейского за спиной.

– Проклятье, зрачки почти не реагируют на свет. И похоже, она нас не слышит и не видит. У нее кататонический ступор или коматозное состояние.

– Ну это же чепуха! – закричала Ванесса и хотела встать, но не смогла даже поднять руку.

«Что здесь происходит?»

Она громко повторила свои слова, стараясь говорить как можно отчетливее. Но никто ее не слушал. Вместо этого все отвернулись от нее и говорили с кем-то, кого она еще даже не видела.

– И сколько уже, вы сказали, она не покидала эту комнату?

Голова врача скорой помощи загораживала ей дверь. Оттуда доносился голос молодой женщины:

– Три дня точно. Может, и дольше. Я так и подумала: что-то не так, когда она заселялась. Но она попросила ее не беспокоить.

«Что за чушь она несет? – Ванесса помотала головой. – Я бы никогда добровольно здесь не остановилась. Даже на одну ночь!»

– Я бы вас и не вызвала, но этот ужасный хрип становился все громче, и...

– Смотрите! – раздался голос невысокого полицейского прямо около ее уха.

– Что?

– Там что-то есть. Вон там.

Ванесса почувствовала, как врач разогнул ее пальцы и осторожно вытащил пинцетом что-то у нее из левой руки.

– Что это? – спросил полицейский.

Она была удивлена не менее других в комнате. Даже не заметила, что вообще что-то держала.

– Записка.

Врач развернул сложенную пополам бумажку. Ванесса покосилась на нее, но увидела лишь непонятные иероглифы. Текст был написан на абсолютно незнакомом ей языке.

– Что там написано? – спросил другой полицейский, у двери.

– Странно. – Врач наморщил лоб и прочел: – Это покупают лишь для того, чтобы тут же выбросить.

«Боже мой!» То, что врач скорой помощи легко прочел эти несколько слов, раскрыло ей весь масштаб кошмара, в котором она пребывала. По какой-то причине она лишилась способности к общению. В данный момент Ванесса не могла ни говорить, ни читать и подозревала, что писать она тоже разучилась.

Врач снова посветил ей в зрачки, и на мгновение все остальные чувства тоже словно при-
тупились: она больше не ощущала зловонного запаха, исходящего от ее тела, ковер под босыми ногами уже не чувствовался, она лишь заметила, что страх внутри ее становился все сильнее, а голоса вокруг все тише. Потому что как только врач прочитал это короткое предложение на листке, ею овладела какая-то невидимая сила.

«Это покупают лишь для того, чтобы тут же выбросить».

Сила, которая протянула к ней свою холодную руку и утащила за собой вниз. В то место, которое она никогда больше не хотела видеть и которое покинула всего несколько минут назад.

Это был не сон? Или все-таки сон?

Ванесса попыталась подать врачу знак, но когда его очертания растворились, пришло осознание, и ее охватил неопишуемый ужас. Ее действительно не слышали. Ни врач, ни женщина, ни полицейские не могли с ней говорить. Потому что она никогда и не просыпалась в

том дешевом отеле. Наоборот. Как только галогенная лампочка над ней снова заморгала, она поняла, что потеряла сознание, когда началась пытка. Это не сумасшедший, а гостиничный номер был частью сна, который сейчас сменился жестокой реальностью.

«Или я снова ошибаюсь? На помощь. Помогите! Я больше не различаю, что реально, а что нет?»

И вновь все было как прежде. Сырой подвал, металлический стол, гинекологическое кресло, к которому она была привязана. Голая. Настолько голая, что чувствовала дыхание сумасшедшего у себя между ног.

Он дышал на нее. В самое ее чувствительное место. Затем его покрытое рубцами лицо ненадолго возникло у нее перед глазами, и безгубый рот сказал:

– Я лишь еще раз пометил место. Теперь можно приступать.

Он взялся за паяльник.

Сегодня, 10:14 – спустя много-много лет после страха

– Итак, дамы и господа, как вам такое введение? Женщина просыпается и сразу попадает из одного кошмара в другой. Интересно, да?

Профессор встал из-за длинного дубового стола и оглядел растерянные лица своих студентов.

Лишь сейчас он заметил, что его слушатели отнеслись к выбору одежды сегодня утром более тщательно, чем он. Сам же он, как всегда, вытащил из шкафа первый попавшийся мятый костюм. Продавец уговорил его тогда на эту безбожно дорогую покупку, так как темный двубортный костюм якобы чудесно гармонировал с его черными волосами, которые он в свое время носил длинными – в нелепом порыве постпубертатного бунта.

Если бы сегодня, много лет спустя, он снова захотел купить что-то подходящее к своей прическе, то это должен быть пепельного цвета костюм, с проплешинами и дырой на спине, как монашеская тонзура.

– Что вы скажете?

Он почувствовал обжигающую тянущую боль в мениске, когда опрометчиво сделал шаг в сторону. Добровольцев нашлось всего шестеро. Четыре девушки, два парня. Типично. В подобных исследованиях женщины всегда преобладали количественно. Либо потому, что были смелее, либо потому, что еще отчаяннее нуждались в деньгах, которые были обещаны на доске объявлений участникам этого психиатрического эксперимента.

– Простите, я правильно понял?

«Левая сторона, второе место». Профессор посмотрел на список перед собой, чтобы выяснить имя участника эксперимента, который поднял руку. «Флориан Вессель, 3 семестр».

Читая введение, студент водил по строчкам идеально заточенным карандашом. Небольшой шрам в виде полумесяца под правым глазом указывал на членство в студенческой корпорации, где практиковались дуэли на шпагах. Студент положил карандаш между страницами и закрыл папку.

– Вот это история болезни?

– Так и есть. – Профессор добродушно улыбнулся, намекая молодому человеку, что отлично понимает его удивление. Которое, так сказать, было составной частью эксперимента.

– Паяльник? Пытки? Полиция? Позвольте, но это скорее напоминает начало триллера, а не медицинскую карту пациента.

«Позвольте?» Давно он уже не слышал этот старомодный оборот. Профессор задавался вопросом, всегда ли студент с безупречным пробором так выражается или на его манеру говорить повлияла меланхолическая патина их необычной локации. Он знал, что ужасная история здания отпугнула нескольких участников. Даже несмотря на обещанные двести евро.

Но именно в этом и заключалась фишка. Провести эксперимент именно здесь, и нигде иначе. Для теста не было более подходящего места, пусть во всем комплексе пахло плесенью и стоял такой холод, что они даже задумывались, не очистить ли от мусора камин и не затопить ли его. Все-таки сегодня двадцать третье декабря, и температуры уже минусовые. В конце концов они арендовали два масляных радиатора, которые, однако, не могли согреть высокое помещение.

– Вы говорите, это читается как триллер? – повторил профессор. – Ну, вы не так уж и далеки от истины.

Он сложил ладони как для молитвы и понюхал сморщенные кончики своих пальцев. Они напоминали ему грубые руки его деда. Правда, в отличие от него, дед всю жизнь проработал на улице.

– Врач, в чьих архивах найден документ, который вы держите в руках, был мой коллега, психиатр. Виктор Ларенц. Возможно, вы уже слышали его фамилию на занятиях.

– Ларенц? Разве он не умер? – поинтересовался один из студентов, который лишь вчера записался на эксперимент.

Профессор снова заглянул в список и идентифицировал мужчину с крашеными черными волосами как Патрика Хайдена. Он и его подруга Лидия сидели вплотную друг к другу. Промежуток между их телами был настолько узким, что даже зубная нить с трудом бы там прошла, – и это объяснялось прежде всего инициативой Патрика. Как только Лидия пыталась отвоевать большую свободу движений, он еще крепче обнимал ее за плечо и властно притягивал к себе. На нем была спортивная толстовка с культурной надписью «Иисус тебя любит». А под ней едва разборчиво – «Все остальные думают, что ты мудака». Патрик уже приходил к нему в этой толстовке, чтобы оспорить низкую оценку за контрольную.

– Виктор Ларенц к делу не относится, – отмахнулся профессор. – Его история не имеет никакого значения для сегодняшнего эксперимента.

– А о чем тогда речь? – поинтересовался Патрик.

Он сдвинул ноги под столом. Шнурки его кожаных ботинок не были завязаны, чтобы профессионально разорванные джинсы не спадали на отогнутый язычок. Иначе никто не заметит дизайнерского ярлыка на лодыжке.

Профессор не смог сдержать улыбку. Незашнурованные ботинки, разорванные штаны, кощунственные толстовки. Видимо, кто-то в модной индустрии поставил себе задачу превратить все самые жуткие кошмары своих консервативных родителей в деньги.

– Ну, вы должны знать...

Он снова сел на свое место во главе стола и открыл изношенную кожаную сумку, которая выглядела так, будто служила в качестве когтеточки какому-то домашнему животному.

– То, что вы сейчас прочитали, действительно имело место быть. Акты, которые я вам раздал, – это просто копии отчета на основе реальных событий. – Профессор вытащил старую книгу небольшого формата. – Вот оригинал. – Он положил тонкий томик на стол.

«Инквизитор» – было написано красными буквами на зеленом переплете. Над надписью – схематическое изображение человека, прорывающегося сквозь снежную бурю к темному зданию.

– Пусть внешняя форма не вводит вас в заблуждение. На первый взгляд, текст кажется обычным романом. Но за обложкой скрывается гораздо больше.

Он раскрыл книгу веером, пролистнул почти триста страниц книги.

– Многие считают, что этот текст вышел из-под пера одного из его пациентов. Ларенц лечил многих творческих личностей, в том числе писателей. – Профессор моргнул. Затем тихо добавил: – Но существует и другая теория.

Все студенты внимательно на него посмотрели.

– Меньшинство полагает, что Виктор Ларенц сам написал это.

– Но зачем?

На этот раз голос подала Лидия. Темно-русая девушка в мышинного цвета водолазке была его лучшей студенткой. Чем ее привлекал небритый «вечный студент», сидевший рядом, представляло собой загадку. Как и то, почему, несмотря на отличный школьный аттестат, ей отказали в стипендии.

– Этот Ларенц переработал свои заметки в триллер? Зачем такие невероятные усилия?

– Сегодня вечером нам предстоит это выяснить. В этом и заключается цель эксперимента.

Профессор отметил что-то в блокноте рядом со списком участников и обратился к группе девушек справа, которые еще ничего не сказали:

– Если вы сомневаетесь, то я полностью вас понимаю, юные дамы.

Рыжеволосая девушка подняла голову, две другие продолжали смотреть на медицинскую карту перед собой.

– Подумайте хорошенько. Эксперимент еще не начался. Вы можете отказаться и пойти домой. Еще не поздно.

Девушки неуверенно кивнули.

Флориан подался вперед, затем нервно провел указательным пальцем по боковому бору.

– А что тогда насчет двухсот евро? – спросил он.

– Они полагаются только при активном участии. И лишь в том случае, если вы придерживаетесь предписанного порядка действий, как и было указано в объявлении. Вы должны прочитать историю болезни целиком, разрешены лишь короткие пропуски.

– А затем? Что произойдет, когда мы закончим?

– Это тоже часть эксперимента.

Психиатр нагнулся и вскоре появился с небольшой стопкой формуляров, на которых красовался герб Частного университета.

– Всех, кто останется, я попрошу подписать вот это.

Он раздал заявления о согласии, которыми участники освобождали университет от ответственности за любые психосоматические расстройства, которые могли возникнуть в связи с добровольным участием в эксперименте.

Флориан взял листок, поднял к свету и, заметив водяной знак Медицинского факультета, энергично помотал головой.

– Для меня это слишком критично. – Он вытащил свой карандаш из медицинской карты, схватил рюкзак и встал. – Мне кажется, я знаю, во что все это выльется. А если то, что я предполагаю, правда, то для меня это слишком страшно.

– Ваша откровенность делает вам честь. – Профессор забрал формуляр Флориана и потянулся за его распечаткой. Затем посмотрел на трех студенток, которые шушукались.

– Мы не знаем, о чем речь, но если даже Флориан отказался, то мы тоже лучше не станем связываться.

Опять рыжеволосая девушка, которая единственная общалась с ним.

– Как пожелаете. Без проблем.

Пока девушки снимали свои зимние пальто со спинок стульев, он собрал пластиковые папки и у них. Флориан уже стоял в куртке с капюшоном и перчатках у выхода и ждал.

– А что насчет вас?

Он посмотрел на Лидию и Патрика, которые с сомнением листали бумаги.

– Ничего страшного. Главное, чтобы кровь не брали, – сказал Патрик.

– Да, что такого. – Наконец Лидии удалось немного отодвинуться от своего друга.

– Вы ведь все время будете с нами?

– Да.

– И мы должны просто читать? Больше ничего?

– Верно.

За спиной хлопнула дверь. Отказавшиеся ушли не простившись.

– Тогда я участвую. Деньги мне пригодятся.

Лидия одарила профессора взглядом, который еще раз скрепил печатью их негласный обет молчания.

«Я знаю, – мысленно ответил он и кивнул ей. Коротко. Едва заметно. – Конечно, тебе нужны деньги».

Как-то раз, в одни слишком жаркие апрельские выходные, на волне жалости к себе его, так сказать, занесло в частную жизнь этой девушки.

Единственный друг посоветовал ему «разорвать» привычный шаблон, если он хочет наконец-то забыть прошлое. Нужно сделать то, чего он еще никогда в жизни не делал. После трех бокалов они пошли в тот бар. Ничего захватывающего. Просто безобидное скучное шоу. Разве что девушки танцевали топлес, но двигались они не соблазнительнее большинства подростков на дискотеке. И, насколько он заметил, комнат для уединения тоже не было.

Но все равно он почувствовал себя асоциальным стариком, когда перед ним неожиданно возникла Лидия с меню в руках. Не в водолазке и с ободком в волосах, а в школьной форменной юбке. Больше на ней ничего не было.

Он оплатил коктейль, не выпив, оставил друга сидеть в баре и обрадовался, когда на следующей лекции снова увидел ее в первом ряду. Они ни словом не обмолвились о случившемся, и он был уверен, что Патрик ничего не знал о подработке подруги. Хотя парень и походил на человека, который в подобных клубах знает бармена по имени, однако, когда речь шла о его собственных интересах, особой терпимостью, похоже, не отличался.

Лидия тихо вздохнула и поставила свою подпись под согласием.

– Да что может случиться? – пробормотала она, подписывая. Профессор прочистил горло, но ничего не сказал. Вместо этого проверил обе подписи и взглянул на свои наручные часы.

– Отлично, тогда мы готовы.

Он через силу улыбнулся.

– Начинаем эксперимент. Пожалуйста, откройте медицинскую карту на странице 19.

Медицинская карта № 131071/VL

Далее читать только под медицинским наблюдением.

17:49, за день до сочельника – девять часов и сорок девять минут до страха

– Представьте себе следующую ситуацию...

Каспар слышал голос старой дамы, у ног которой опустился на колени, глухо, словно через закрытую дверь.

– Отец и сын едут ночью по заснеженной дороге через темный лес. Отец не справляется с управлением, и машина врежется в дерево. Отец погибает на месте. Мальчика с тяжелыми травмами доставляют в больницу, где немедленно отвозят в отделение экстренной хирургии.

Приходит хирург, застывает на месте и испуганно говорит: «О господи, я не могу оперировать этого мальчика. Это мой сын!»

Пожилая дама на кровати сделала небольшую паузу, потом с триумфом спросила:

– Как это возможно, если у мальчика не два отца?

– Я понятия не имею.

Каспар закрыл глаза и полностью доверился своему осязанию, пытаясь починить телевизор. Поэтому мог лишь догадываться о ее лукавой улыбке у себя за спиной.

– Ну же. Для мужчины с вашим интеллектом эта загадка не столь и сложна.

Он вытащил руку из-за неуклюжего лампового телевизора и, качая головой, повернулся к Грете Камински.

Семидесятидевятилетняя вдова банкира постучала в его дверь всего пять минут назад и попросила посмотреть ее «говорящий ящик». Так она называла безобразный телевизор на ножках, который был слишком большим для ее маленькой палаты на верхнем этаже клиники Тойфельсберг. Разумеется, он сделал ей одолжение, хотя профессор Расфельд строго-настрого запретил ему это. Руководитель клиники не хотел, чтобы Каспар покидал свою одноместную палату без присмотра.

– Боюсь, загадки не мое, Грета. – Он вдохнул немного пыли, которая собралась за телевизором, и закашлялся. – Кроме того, я не женщина. И не умею делать несколько вещей одновременно.

Он снова прижался щекой к телевизору и на ощупь попытался найти на задней стенке крошечное гнездо для антенны. Тяжелая махина ни на миллиметр не отодвигалась от стены.

– Вздор!

Грета дважды похлопала ладонью по матрасу.

– Не ломайтесь, Каспар!

Каспар.

Это санитары дали ему такое прозвище.

Как-то ведь надо было к нему обращаться, пока не выяснится его настоящее имя.

– Ну попробуйте! Вдруг вы окажетесь королем разгадывания загадок. Кто знает, вы же ничего не помните!

– Неправда, – простонал он и еще дальше просунул руку между телевизором и шероховатыми обоями.

– Я знаю, как завязывать галстук, читать книгу или ездить на велосипеде. Просто моего пережитого опыта больше нет.

– Ваше знание фактов практически не пострадало, – объяснила ему доктор София Дорн, его лечащий психиатр, в начале первого сеанса. – Но все, что составляет вашу эмоциональную часть, то есть определяет вашу личность, к сожалению, исчезло.

Ретроградная амнезия. Потеря памяти.

Он не мог вспомнить ни свое имя, ни семью или профессию. Он даже не знал, как вообще попал в эту элитную частную больницу. Старое здание клиники Тойфельсберг стояло на краю

города, на самой высокой горе Берлина, которая была насыпана из руин домов, разрушенных при бомбардировках во Второй мировой войне. Сегодня гора Тойфельсберг представляла собой озелененный холм из обломков и мусора, на вершине которого во времена холодной войны располагалась американская шпионская станция.

В четырехэтажном здании клиники, где лечился Каспар, размещалось казино для офицеров разведки, пока после падения Берлинской стены виллу не выкупил известный психиатр и нейрорадиолог профессор Самуэль Расфельд, модернизировал ее и превратил в одну из ведущих больниц, занимающихся психосоматическими расстройствами. Сейчас клиника возвышалась над Грюневальдом, как крепость, защищенная разводными мостами. Попасть в нее можно было лишь по узкой частной подъездной дороге, на которой и нашли Каспара десять дней назад. Без сознания, запорошенного тонким слоем снега и с переохлаждением.

В тот вечер Дирк Бахман, консьерж клиники Тойфельсберг, отвез Расфельда на встречу в клинику Вестэнд. Вернись он на час позже, Каспар замерз бы на обочине. Иногда он задавался вопросом, что бы это изменило.

Чем жизнь без идентичности отличается от смерти?

– Вам нельзя так себя мучить, – пожурила его Грета, словно прочитав эти мрачные мысли. При этом у нее были интонации врача, а не пациентки, которая сама страдала неврозом страха, если долго оставалась одна. – Память как красивая женщина, – объяснила она ему, пока он искал проклятое гнездо для телевизионной антенны. – Если будете бегать за ней, она отстранится со скужающим лицом. А если займетесь чем-то другим, то ревнивая красавица сама вернется к вам.

Она захихикала.

– Как наша симпатичная врач-терапевт, которая так нежно о вас заботится.

– Что вы имеете в виду? – удивленно спросил Каспар.

– Ну, это даже такая старуха, как я, заметила. Мне кажется, София и вы подходите друг другу, Каспааррр.

Каспааррр.

Растянутым А и грассирующим Р голос Греты напоминал ему кинодив послевоенного времени. С тех пор как ее муж скончался от инсульта на площадке для гольфа семь лет назад, она каждое Рождество проводила в частной клинике. Здесь она была не одна, когда на нее нападала рождественская депрессия. И поэтому то, что ее телевизор перестал работать, было своего рода катастрофой. Она никогда не выключала «говорящий ящик», чтобы не чувствовать себя одиноко.

– Будь я моложе, тоже пошла бы с вами на послеобеденные танцы, – захихикала она.

– Большое спасибо, – рассмеялся Каспар.

– Я не шучу. Когда мой муж был вашего возраста, думаю, чуть больше сорока, его темные волосы так же задорно падали ему на лоб. Помимо этого, у него были такие же красивые руки, как у вас, Каспар. И... – Грета снова хихикнула. – И он разделял мою страсть к загадкам!

Она дважды хлопнула в ладоши, как учительница по окончании школьной перемены.

– И поэтому мы сейчас попробуем еще раз...

Каспар застонал, когда Грета повторила ему загадку.

– Отец и сын попадают в автоаварию. Отец погибает, сын остается в живых.

Несмотря на приоткрытое окно, Каспар начал потеть.

С утра шел мокрый снег, а к полудню температура опустилась ниже нуля. Здесь за городом, в Грюневальде, должно быть градуса на два холоднее, чем в центре Берлина. Но в настоящий момент он этого не чувствовал.

Ага! Его указательный палец нашупал круглый металлический ободок пластикового гнезда. Сейчас нужно лишь вставить в него антенну и...

– Сына с тяжелыми травмами доставляют в отделение экстренной хирургии. Но хирург не хочет его оперировать, потому что мальчик его сын.

Каспар отодвинулся от экрана телевизора, поднялся и взял пульт управления.

– Как это возможно? – лукаво спросила Грета.

– А вот так, – сказал Каспар и включил телевизор.

Сначала экран замерцал, затем в комнате раздался гнусавый голос ведущего новостей. Когда звук дополнился соответствующей картинкой, Грета восторженно захлопала в ладоши.

– Он снова заработал. Чудесно, вы гений.

«Я не знаю, кто я», – подумал Каспар и отряхнул пыль со своих джинсов.

– Тогда я пойду к себе в палату, пока медсестра не рассердилась... – начал было он, но Грета подняла руку, призывая замолчать.

– Очередные ужасные новости о так называемом Инквизиторе, который уже несколько недель держит в ужасе женское население...

Грета потянулась к пульту и увеличила громкость.

17:56

«Мы только что получили сообщение, что его первая жертва, двадцатипятилетняя студентка актерского факультета Ванесса Штрассман, умерла сегодня во второй половине дня в реанимации больницы Вестэнд. Два с половиной месяца назад она бесследно пропала после занятий и ровно через неделю была обнаружена в убогом мотеле. Голая, в запущенном состоянии и парализованная».

На экране появилась фотография улыбающейся красавицы, как будто драматичных слов ведущего новостей было недостаточно, чтобы передать весь масштаб трагедии. Фото сменилось двумя другими. И здесь кто-то постарался и организовал особенно привлекательные снимки из семейного альбома.

«Как и обе последующие жертвы – Дорин Брандт, успешный адвокат, и учительница начальных классов Катя Адези, – Ванесса Штрассман не получила практически никаких телесных повреждений. По заявлениям врачей, они не обнаружили следов изнасилования, избиения или пыток. Но она была душевно подавлена и сломлена морально. До сегодняшнего дня она реагировала исключительно на яркий свет и громкие звуки, оставаясь в состоянии, близком к коме».

Фотографии исчезли, и на экране появилось изображение современного больничного комплекса.

«Причина смерти является для медиков очередной загадкой, по-прежнему неизвестно, что произошло с молодыми женщинами, пока они находились во власти преступника. Подсказкой могли бы послужить маленькие записки, которые были найдены в руках у всех трех жертв, но полиция держит их содержание в секрете. К счастью, пока не появилось новых сообщений о пропавших женщинах, и мы можем лишь надеяться, что эта ужасная серия преступлений прервалась не только временно на праздники, а прекратилась окончательно. Самым чудесным рождественским подарком была бы новость об аресте Инквизитора, верно, Сандра?»

Ведущий новостей повернулся с профессиональной улыбкой к своей соведущей, передавая ей слово.

«Так и есть, Пауль. Но будем держать кулачки, чтобы и другие подарки обязательно оказались под елкой вовремя, потому что после сильнейших за последние двадцать лет снегопадов движение на дорогах крупных городов парализовано в результате гололеда. Кроме этого, ожидается порывистый ветер...»

Гололед, подумал Каспар, увидев графические предупреждающие значки над Берлином на синоптической карте.

Воспоминания нахлынули на него неожиданно и с такой силой, что он с трудом удержал их.

Флешбэк

– Ты ведь скоро вернешься?

– Да. Не бойся. – Он коснулся ее влажных волос, которые упали ей на глаза во время судорог.

– Ты ведь не оставишь меня одну надолго?

– Нет.

Конечно, он не мог слышать ее слов. Малышка уже давно была не в состоянии пошевеливать языком. Но он чувствовал беззвучные мольбы одиннадцатилетней девочки в слабом нажатии ее пальцев. Он отмахивался от мучительного вопроса, была ли это осознанная реакция или просто рефлекс, как и неконтролируемое подергивание ее правого века.

– Я так боюсь. Пожалуйста, помоги мне.

Все ее хрупкое тело буквально молило о помощи, и он с трудом сдерживал слезы. Стараясь отвлечься, он уставился на круглое родимое пятно, которое, как точка от восклицательного знака, парило над ее правой скулой.

– Я вытащу тебя отсюда, – прошептал он. – Верь мне.

Потом он поцеловал ее в лоб и молился, чтобы было еще не поздно.

– О'кей! – прошептала девочка, не шевеля губами.

– Ты такая смелая, моя дорогая. Слишком смелая для твоего возраста.

– Я знаю. – Ее пальцы выпустили его руку. – Но поторопись, – безмолвно простонала она.

– Конечно. Я обещаю. Я освобожу тебя.

– Я боюсь. Ты ведь скоро вернешься, папа?

– Да, я скоро вернусь, и тогда все будет хорошо, мое сокровище. Все будет, как прежде. Не волнуйся, моя сладкая, хорошо? Я совершил одну ошибку, но обязательно вытащу тебя отсюда, и тогда...

– ...Или что вы имеете в виду? – громко спросила Грета, прервав его пугающий сон наяву.

Он лихорадочно заморгал, проглотил слюну, которая собралась у него в рту, и наконец открыл глаза. Они заслезились, как только свет от телевизора попал в его зрачки. Очевидно, Грета даже не заметила, что он ненадолго отключился.

– Простите?

В носу у него оставался запах горелой бумаги, словно этот первый обрывок воспоминания оставил за собой дымовой шлейф.

Что это было? Действительно воспоминание? Сон? Все еще шокированный картинками, которые пронесли перед его внутренним взором, он невольно схватился за грудь. Там, где под футболкой проступали недавно зажившие рубцы от ожога, которые он обнаружил, когда в первый раз принимал душ в клинике, и происхождение которых было таким же необъяснимым, как и все его прошлое.

– Интересно, – возбужденно сказала Грета. – Что там может быть написано?

Она убавила звук, и запах в носу стал слабее.

– Где?

– Ну, в записках. Которые нашли у жертв Инквизитора. Что бы это могло означать?

– Без понятия, – рассеянно ответил он. Ему необходимо уйти из палаты Греты. Собраться с мыслями. Подумать, что все это значило, и поговорить со своим врачом.

«У меня есть дочь? Она ждет меня где-то там? Больная? И совсем одна?»

– Наверное, вам лучше выключить телевизор. А то вы не заснете от таких жутких новостей. – Стараясь не показывать своего состояния, он медленно направился к двери.

– Да что там. Я Инквизитору вряд ли нужна. – Грета хитро улыбнулась и положила свои очки для чтения с сильно покусанными пластиковыми дужками на ночной столик. – Даже без этой оправы я не очень-то соответствую описанию его жертв. Вы же сами слышали: все жертвы в возрасте от двадцати до сорока лет, стройные, светловолосые и незамужние. Все, что я, возможно, могла сказать о себе лет пятьдесят назад. – Она рассмеялась. – Не переживайте, мой дорогой. Перед тем как заснуть, я включу какой-нибудь симпатичный фильм о животных. Вот, например, показывают «Молчание ягнят»...

– Это не... – начал было Каспар, но по глазам Греты понял, что она издевается над ним. – Туше, – сказал он и, несмотря на свое смятение, улыбнулся. – Один – один.

Он взялся за дверную ручку.

– Ничья? Почему это? – удивленно крикнула ему вслед Грета.

– Ну, вы меня обманули. Но зато я разгадал вашу загадку.

– Лгун, ничего вы не разгадали.

– Еще как разгадал. Хирург – женщина, – смеясь, ответил Каспар. – Хирург в больнице – это мать мальчика. Поэтому она не хочет оперировать своего сына.

– Невероятно. – Грета захихикала и снова захлопала в ладоши. – Откуда вы это знаете?

«Без понятия», – подумал Каспар и попрощался с неуверенной улыбкой.

– Я и правда понятия не имею.

Улыбка исчезла с его губ в тот самый момент, как он закрыл за собой дверь и вышел в коридор. Он мысленно прикинул, успеет ли еще вернуться к Грете, пока его не застукали в холле. Но потом услышал свое имя и решил незаметно последовать за обоими врачами, которые с рассерженными лицами вышли из его палаты.

18:07

Расфельд и София были настолько погружены в дискуссию, что не заметили Каспара, хотя он стоял всего в нескольких метрах за ними. Однако Каспар все равно с трудом понимал, о чем они говорят.

– ...Я считаю, что еще слишком рано, – прошипел Расфельд. – Это может потрясти Каспара.

Руководитель клиники остановился и принялся теребить шерстяной шарф, который болтался у него на шее. Как всегда, внешний вид главврача представлял собой одно сплошное противоречие. Даже в разгар лета он носил толстый шарф, боясь простудиться, что, однако, не мешало ему выходить зимой на улицу в сандалиях на босу ногу. Профессор следил за ухоженностью ногтей и безупречным пробором, но игнорировал всю остальную растительность на лице. Отросшая борода торчала во все стороны, как и волосы из носа и ушей. И хотя он защитил докторскую диссертацию на тему психически обусловленного ожирения, между горами книг и папок в его кабинете копились пустые коробки из-под фастфуда. До объемов Бахмана ему было еще далеко, но на фоне его живота София все равно выглядела как страдающая анорексией пациентка.

– Вы не должны ему это показывать! – сказал он приказным тоном. И с этими словами потянул Софию вниз по коридору, подальше от палаты, из которой они только что вышли. – Ни в коем случае! Это ясно? Я вам запрещаю.

Каспар осторожно последовал за ними.

– Я считаю иначе, – зашептала София. Она подняла руку, в которой держала тонкую медицинскую карту. – У него есть право это увидеть...

Главврач резко остановился, словно собирался развернуться. Каспар быстро опустился на колени и развязал шнурок на ботинке. Но тут Расфельд открыл дверь на кухню и увлек Софию за собой в маленькую комнатку, оставив дверь приоткрытой. Каспар мог подглядывать в дверную щель. Расфельд находился вне поля его зрения.

– Ну ладно, мне очень жаль, София, – послышался голос профессора. – Я взял неверный тон и отреагировал слишком бурно. Но мы действительно не знаем, какой вред может причинить ему эта информация.

– Или какие воспоминания вызовет. – София оперлась ладонью о рабочую поверхность рядом с мойкой.

Она, как всегда, была не накрасшена и поэтому выглядела не как ведущий врач отделения, а скорее напоминала студентку второго курса медицинского факультета. Каспар удивлялся, почему его настолько тянуло к ней, что сейчас он даже не смог преодолеть желания тайком последовать за Софией. Ничто в ней не было идеально. Каждая деталь имела какой-то недостаток: глаза слишком большие, кожа слишком бледная, уши чуть оттопыренные, да и нос наверняка не включили бы ни в один каталог пластического хирурга. И все равно он не мог на нее насмотреться. На каждом сеансе он находил в ней что-то новое, что его завораживало. В данный момент это был локон на виске, напоминающий знак вопроса.

– Вы слишком нетерпеливы, София, – услышал он бурчание Расфельда.

Каспара бросило в холодный пот, когда он увидел, как кисть руководителя клиники, вся в родимых пятнах, медленно приблизилась к руке Софии.

Сейчас профессор заговорил тоном, который должен был звучать не только заговорщически, но и обольстительно.

– Всеу свое время, – тихо сказал он, – всеу свое...

Когда Расфельд провел внешней стороной указательного пальца по запястью Софии, Каспар отреагировал инстинктивно.

Он вскочил, распахнул дверь и с наигранным удивлением отпрянул в коридор.

– Что... что вам здесь нужно? – воскликнул Расфельд, который после секундного шока снова взял себя в руки.

– Я лишь хотел взять кофе, – объяснил Каспар и указал на серебряный термос рядом с Софией.

– Разве я не запретил вам покидать палату?

– Хм, верно. Видимо, я забыл. – Каспар схватился за голову. – Извините. Но такое часто случается со мной в последнее время.

– Значит, вы находите это смешным, да? А что, если у вас случится рецидив, и вы незаметно выйдете из клиники? Вы уже выглядывали наружу?

Каспар проследил за движением руки Расфельда к запотевшему кухонному окну.

– Там возвышаются двухметровые сугробы. Второй раз Бахман не сможет вас спасти.

К удивлению Каспара, София пришла ему на помощь.

– Это моя вина, – убедительно сказала она. Подхватила медицинскую карту и вышла из кухни. – Это я ему разрешила, господин профессор.

Каспар старался не показывать, насколько озадачен. На самом деле София требовала от Каспара обратного. Он должен был сообщать медсестрам, даже если выходил в туалет.

– Если это правда... – Расфельд вытащил носовой платок из кармана халата и сердито промокнул себе лоб, – тогда я немедленно отменяю это решение.

И грубо протиснулся мимо обоих в коридор.

Не произнесенное «Это будет иметь последствия» повисло в воздухе, пока профессор молча шел к лифту.

Лицо Софии расслаблялось с каждым шагом, который отдалял от них Расфельда. Когда тот наконец исчез за углом, она выдохнула.

– Пойдемте. Нам нужно торопиться, – сказала она после короткой паузы.

– Почему? – Каспар последовал за ней по коридору к своей палате. – У нас ведь уже был сегодня сеанс.

– Да, но к вам пришли.

– Кто?

София обернулась к нему.

– Тот, кто, возможно, знает вас.

Каспар внутренне сжался и резко остановился.

– Кто?

– Вы увидите.

Его пульс ускорился, хотя Каспар замедлил шаг.

– А Расфельд об этом знает?

Врач удивленно свела брови и недоверчиво посмотрела на него. Ее пронзительный изучающий взгляд напомнил ему о первых осознанных секундах в отделении реанимации. Он очнулся и уставился на чужака, который отражался в кристально-голубых глазах Софии. Сначала его отвлекли янтарные включения, которые, как галька на дне прозрачного озера, придавали ее зрачкам дополнительную глубину.

– Кто вы? – спросила она его мягким голосом, в котором, несмотря на весь профессионализм, звучало беспокойство.

Это было его первым воспоминанием. С тех пор он жил только настоящим.

– Я думал, профессор не хочет, чтобы вы слишком быстро сообщали мне правду. Так? – спросил он.

София наклонила голову набок и внимательно посмотрела на него.

– Мне кажется, вы забыли свой кофе, Каспар, – наконец сказала она и попыталась подавить улыбку. Когда ей это не удалось, она снова отвернулась и открыла дверь его палаты.

18:17

– Ну и как?

Он подался вперед в удобном клубном кресле. Наряду с кроватью, изысканным ковром и светлыми шторами, этот предмет мебели скорее подходил для какого-нибудь английского отеля-замка, чем для палаты психиатрической клиники.

– Вы его узнаете?

Если бы. Каспар так сильно этого хотел, что чуть не солгал и не ответил «да», чтобы наконец покончить со своим одиночеством. Он отчаянно пытался вызвать в памяти какое-нибудь общее переживание, взгляды ваясь своему необычному посетителю в правый глаз. Левый отсутствовал. Очевидно, выткнут, судя по шраму.

В отличие от него самого пес, похоже, ни секунды не сомневался. Лохматая дворняжка часто дышала с высунутым языком, практически захлебывалась от радости.

– Я не знаю, – вздохнул Каспар и обхватил руками толстую лапу, которая лежала у него на колене. Клубок шерсти песочного цвета, изо всех сил виляя хвостом, с трудом удерживал равновесие на задних лапах.

– Совсем?

София стояла перед Каспаром, сжимая обеими руками его медицинскую карту, и вопросительно смотрела на него и собаку. Верхняя пуговица ее блузки расстегнулась, и на серебряной цепочке на шее блестела подвеска размером с монету.

– Я правда не знаю, – повторил Каспар и постарался не смотреть на перламутровый амулет, чтобы София не истолковала неверно его взгляды. Он снова вздохнул.

Каждый день ему предлагали новые осколки его прошлого. Каспара не хотели слишком торопить, чтобы его мысли не соскочили в ложную колею, где могли зайти в тупик или начать работать вхолостую. Он называл это «пазл-терапией». Ему подавали все новые кусочки мозаики, и он все больше чувствовал себя неудачником, потому что не мог собрать полную картинку.

Сначала перед ним разложили его грязную одежду.

Затем мятый железнодорожный билет Гамбург-Берлин, первым классом, в оба конца на двух человек, датированный тринадцатым октября прошлого года. Это был единственный документ в его пустом бумажнике. Он и его уже сходивший синяк на правом виске указывали на то, что Каспар стал жертвой нападения.

– Где вы его нашли? – спросил он.

– На подъездной дороге. Возможно, именно ему вы обязаны жизнью. В отсутствие Расфельда Бахман любит погонять на джипе по территории. Если бы пес не выскочил с лаем на дорогу, Бахман вряд ли вышел бы из машины на полпути и мог бы вас не заметить. Все-таки было уже темно, а вы лежали на обочине.

София присела и погладила пса, который облизал ее бейдж на халате.

– Где он был все эти дни?

Теперь они вместе гладили мягкую шерсть. На вид молодому псу было не больше года.

– У консьержа клиники. – София рассмеялась. – Бахман сказал, ему все равно, что вы вспомните. Я должна передать вам, что он не отдаст Мистера Эда. Вместе этого вы можете забрать домой его жену.

– Мистер Эд?

Она пожала плечами.

– Раньше по телевизору шел сериал с говорящей лошастью, которую так звали. Бахман считает, у пса такой же грустный взгляд. И он еще умнее. – Она встала. – Мистер Эд не вызывает у вас никаких чувств?

– Конечно, вызывает. Он милый. Но, может, я всех животных люблю? Я не уверен.

– Хорошо... – София полистала медицинскую карту. – А что насчет этого?

Когда она показала ему фотографию, Каспару показалось, что он получил пощечину. Его щеки горели, а правая половина лица вдруг онемела.

– Откуда?..

Он моргнул, но все равно не смог остановить слезу, которая покатилась по его носу.

– Вы ее... То есть... – Он запнулся и шмыгнул носом.

– Да, – предупредила София его вопрос. – Бахман нашел ее сегодня утром, когда чистил снег. Видимо, она выпала у вас из кармана, а мы тогда не заметили.

Она передала ему увеличенное цветное изображение.

– Вы ее узнаете?

Листок задрожал в руках Каспара.

– Да, – прошептал он, не поднимая глаз. – К сожалению.

– Кто она? – спросила София.

– Я... я не уверен. – Каспар погладил пальцем родимое пятно на скуле маленькой девочки.

– Я не знаю ее имени. – Он поднял голову и заставил себя посмотреть Софии в глаза. – Но мне кажется, она ждет меня где-то там.

18:23

Мистер Эд положил голову между лапами и, вытянувшись на животе, напоминал коврик. Но наостренными ушами он демонстрировал внимательного слушателя.

– Ваша дочь? Почему вы говорите мне это только сейчас? – спросила София, когда он рассказал ей о загадочном видении, которое посетило его в палате Греты.

Маленькая девочка. Ее подергивающиеся глаза. Ее немая мольба.

– Это случилось впервые. И я сам точно не знаю, было ли это настоящим воспоминанием. Или кошмаром.

«Ты ведь скоро вернешься?»

Каспар потер уставшие глаза.

– И она выглядела больной? – спросила София.

«Нет. Хуже».

– Может, она просто спала? – произнес он со слабой надеждой. – Ее движения были импульсивные, неконтролируемые, беспокойные, как у того, кто видит сон. Но...

– Но что? – уточнила она.

– Я думал, что должен держать ее, чтобы она не поднялась к потолку, как гелиевый шарик, такой легкой она мне показалась. Словно то, что придавало ее личности вес, исчезло и осталась одна бездушная оболочка. Вы понимаете?

– Вы это часто говорите, – заявила София.

– Что?

– «Вы понимаете?» Вы часто используете это выражение, когда мы разговариваем. Вероятно, у вас какая-то профессия, где вы объясняете дилетантам сложные вещи, например, учитель, эксперт, адвокат или нечто подобное. Но я не хотела вас перебивать. Вы можете вспомнить, где именно лежала девочка?

– На кровати или каталке. Что-то в таком роде.

– Как выглядела комната?

– Светлая, с двумя большими окнами, через них светило солнце.

– Вы были одни?

– Сложно сказать. Я не чувствовал присутствия никого, кто...

«Кто что? Пытал бы ее, изнасиловал или отравил?»

– Там были только вы и эта девочка? – спросила София.

– Да. Она лежала передо мной, ее дыхание было неровным, на лбу пот, а веки подергивались.

– Может, последствия эпилептического приступа?

– Возможно.

«Или яда, шока, пыток...»

– И тем не менее она с вами говорила?

– Нет, непосредственной коммуникации не было. Я не слышал ее, только чувствовал.

– Телепатия?

Каспар энергично помотал головой.

– Я знаю, на что вы намекаете. Но это не был сон с экстрасенсорными элементами, разве что вы относите к ним и родительскую любовь. Я взял свою дочь за руку и почувствовал, что она хотела мне сказать.

«Я так боюсь. Пожалуйста, помоги мне...»

– Я думаю, ее где-то заперли – те, кто причинил ей вред, – и я должен помочь, прежде чем ее состояние ухудшится.

– Там была решетка? – спросила София и привела его в замешательство.

– Простите?

– Решетка? На окнах? Вы сказали, через них светило солнце.

Каспар закрыл глаза и попытался вызвать воспоминание.

«Я так боюсь. Пожалуйста, помоги мне...»

На тюрьму или надежное укрытие светлая комната не походила.

– Сложно сказать. – Он пожал плечами.

– Ну, кто бы ни была эта девочка... – сказала София тихо, но уверенно, – вы не должны слишком переживать из-за нее, Каспар.

– Почему?

– Мы отправили фотографию девочки полицейским, которые занимаются вашим делом. Они говорят, что среди пропавших без вести нет никого похожего на нее.

София убрала завиток в виде вопросительного знака за ухо.

Каспар безрадостно рассмеялся:

– И что это доказывает? Если верить полиции, меня тоже никто не ищет. А я тем не менее нахожусь здесь. Поэтому вы не можете мне гарантировать, что моей дочери... – Он помедлил, подбирая подходящие слова. – Что этой девочке не угрожает опасность. Я имею в виду, она... я ей пообещал, что вернусь.

Через какое-то время он тихо продолжил:

– Куда бы это «вернуться» ни означало.

– Хорошо. – София повертела медкарту в руках. – Тогда нам придется обратиться к общественности.

– Вы имеете в виду прессу?

Она кивнула:

– Да. Хотя Расфельд будет сопротивляться. Он даже не хотел, чтобы я показывала вам фотографию девочки. Но я думаю, сейчас самое время.

– Согласен, – не раздумывая ответил Каспар. Эта тактика «обрывочной информации» и предписанная Расфельдом изоляция вызывали у него все больше сомнений. Для профессора он был благодарным объектом исследования, потому что, со слов Софии, случаи полной амнезии встречались на практике редко. Лишь поэтому ему позволили находиться в такой эксклюзивной клинике. Расфельд хотел научно задокументировать его случай, для чего якобы было необходимо, чтобы процесс познания проходил изнутри и не подвергался воздействию внешних факторов. По этой причине психиатр даже не допустил полицейского допроса.

– Журналисты могут приходить в любое время, – сказал Каспар, хотя и понимал, что его тут же переведут в другое место, как только его фотография будет опубликована во всех газетах. Потому что известные пациенты, которые находились в клинике Тойфельсберг из-за проблем с наркотиками или депрессией, придавали большое значение анонимности и покою. Что не сочеталось с фоторепортерами перед главным входом.

– Хорошо, я выясню. Правда, есть еще кое-что... – София отвела взгляд.

– Что?

– Когда начнется вся эта шумиха в СМИ, я больше не смогу быть с вами. С завтрашнего дня Расфельд будет заниматься вами лично.

Каспар немного подумал, потом улыбнулся:

– Конечно, я понимаю. Желаю вам веселого Рождества, София.

Она взглянула на него и печально помотала головой:

– Нет. Это не из-за праздников. Сегодня мой последний день.

– Угу.

– Я увольняюсь.

– Ой.

Неожиданно он почувствовал себя слабоумным, который не может говорить полными предложениями. Значит, вот почему она могла спокойно игнорировать указания главврача. Она хотела его оставить.

– Можно спросить почему?

– Нет, пожалуйста, не надо, – сказала она и пожала ему руку, что сделало все еще хуже.

Лишь сейчас он осознал, что она была единственной причиной, почему он давно уже не собрал свои вещи и в одиночку не отправился на поиски своей идентичности. За несколько сеансов София стала чем-то вроде якоря в океане его сознания. И вот теперь она хотела обрубить трос.

– Это связано с профессором Расфельдом? – спросил Каспар, хотя знал, что таким вопросом нарушал отношения терапевта и пациента и вторгнулся в личную сферу.

– Нет, нет.

Она убрала фотографию девочки в папку и присела за маленький секретер под мансардным окном.

– Ну, тогда... – Сделав последние записи, София с тихим вздохом захлопнула папку и встала. Каспар чувствовал ее неуверенность, когда она сомневалась, протянуть ему руку или обнять на прощание. Она смущенно теребила указательный палец правой руки, потом сделала шаг в сторону, и ее взгляд задержался на его ночном столике. – Но вы должны пообещать мне, что будете регулярно применять глазные капли, даже если с завтрашнего дня я не буду вас контролировать, хорошо?

Она взяла маленький пластиковый пузырек и потрясла его. Каспар носил контактные линзы. Когда его нашли, линзы были приклеены к его зрачкам, как засохшие жвачки, – помимо переохлаждения, еще один признак того, что он пролежал на улице длительное время.

– Думаю, они мне больше не нужны, – запротестовал он.

– Еще как, это как с мазями. Нельзя прекращать лечение лишь потому, что зуд утих.

София похлопала по краю кровати, и он послушно присел рядом с ней.

Каспар находился на уважительном расстоянии, но она сама подвинулась к нему. Теперь он избегал ее взгляда. Со своего второго рождения несколько дней назад он еще не привык к тому чужаку, который отражался в ее глазах.

– Как вы считаете, девочка на фотографии моя дочь? – спросил он, пока София скручивала крышку с пузырька глазных капель. – Девочка вообще похожа на меня?

Она ненадолго задержала дыхание и потом вздохнула.

– В вашем возрасте сложно сказать.

Каспар почувствовал ее старание не лишать его ни первого воспоминания, ни последней надежды.

– Я не знаю, что и думать. Каждый мечтает о таком милом ребенке. Но мысль о том, что малышка сейчас ждет своего отца, разрывает мне, как матери, сердце.

Он взглянул на ее руки.

– Вам, как матери? – Он не заметил обручального кольца. Единственное украшение, которое она носила, – это изящная цепочка с перламутровой подвеской на ее тонкой шее.

– Ну, скажем так, я претендовала на эту роль для Мари и с треском провалилась. – В ее голосе послышались грустные нотки, которые он время от времени замечал и во время их сеансов. Но еще никогда они не звучали так явно.

– Я слишком много работала и забросила свою дочь. Поэтому он так легко смог отобрать ее у меня.

«Вот, значит, как, – подумал Каспар. – Поэтому я чувствую такую связь с ней. У нас есть нечто общее».

– Кто ее у вас отобрал? – мягко спросил он.

– Мой бывший муж. Он не дает мне общаться с Мари.

– Как? – Он прикусил губу, но было уже слишком поздно. Его короткий вопрос был слишком требовательным и напомнил ей о том, что у него нет никакого права лезть в ее личную жизнь.

– Скажем так, у него есть свои методы, – коротко ответила она и провела рукавом по щеке. – А, проклятье. – Она прочистила горло. – Я все-таки проговорила.

– Мы можем поговорить об этом, – попытался он еще раз.

София вытащила пипетку.

– Нет. Ошибки разговорами не исправить. Нужно действовать. Поэтому я увольняюсь. Чтобы подготовиться.

– Что вы задумали?

– Я буду бороться. Скоро у меня важный судебный процесс. Держите за меня кулаки.

– Обязательно. – Каспар ободряюще кивнул ей. – Кто знает, может, я окажусь адвокатом по семейным делам? – Он засмеялся. – Тогда я смогу отблагодарить вас за хорошее лечение.

– Да, кто знает. – Она печально улыбнулась. – А сейчас запрокиньте, пожалуйста, голову.

Он послушался. София наклонилась к нему, прядка снова выбилась у нее из-за уха, и Каспар надеялся, что она нежно погладит его, как это уже давно делали ее мягкие духи.

«Еще никогда мы не были так близко друг к другу, как сейчас», – подумал Каспар, когда София зафиксировала его взглядом, а на конце пипетки собралась первая капля.

В этот момент Мистер Эд почувал опасность. Пес подскочил, перепрыгнул через кровать и стал лаять на откинутое окно. Инстинкты предупредили его раньше, чем это сделали звуковые волны. Теперь и они это слышали – звук разлетающегося вдребезги стекла. Следом металлический визг. А потом, на одно ужасное мгновение, Каспару показалось, что на подъездной дорожке что-то живое разорвало на две части.

18:31

Он не знал, последовать ли за Софией, которая поспешно покинула его комнату вместе с Мистером Эдом на поводке. Там снаружи что-то произошло. Вероятно, несчастный случай.

Он вплотную подошел к мансардному окну, но отсюда, сверху, было ничего не разглядеть. Днем с верхнего этажа виллы открывался изумительный вид на лесной заповедник, который тянулся до самых границ фешенебельных кварталов с виллами. Темнота и мокрый снег уже давно поглотили серый зимний день, и от этого неестественный источник света казался еще более угрожающим: красно-голубые мигалки вспыхивали с регулярной периодичностью между обледеневшими хвойными деревьями, которые окаймляли изогнутую дорогу из долины наверх, к входу в клинику Тойфельсберг.

Каспар открыл окно и высунулся наружу. Мокрый снег усилился. Где-то неподалеку раздавался монотонный рокот, затем четырьмя этажами ниже открылась тяжелая дверь и на улицу вышли двое мужчин.

– Вы видели, что случилось? – услышал он руководителя клиники. Расфельд стоял за пределами тусклого света входного фонаря, но его легко было узнать по хриплому голосу.

– Нет, у меня был перерыв, – ответил Бахман. – Я пошел в библиотеку. Вы сами знаете. Отнес книгу по риторике, которую вы мне посоветовали.

«Риторика?» – удивился Каспар.

Обычно консьерж клиники при любой возможности пытался подбодрить пациентов какой-нибудь дурацкой шуткой. Сейчас, в присутствии Расфельда, он держался как неуверенный школьник, который опоздал на урок без объяснительной записки от родителей.

– Чертова гололедица, – грубо буркнул профессор. – Кто-нибудь ранен?

– Сложно сказать. Эта штука лежит поперек подъездной дороги. На камерах видеонаблюдения не все можно разобрать.

Ветер запустил в комнату рой влажных снежинок, и Каспар ничего больше не мог разглядеть.

– И как нам теперь туда спуститься?

В этот момент окно с громким стуком захлопнулось перед его носом.

Каспар обернулся и увидел, что в его палате стоит Линус. На лице музыканта отражались одновременно испуг, удивление и любопытство, словно он сейчас выяснил, что обладает телекинетическими силами и может закрывать окна.

– Это был просто ветер, – успокоил его Каспар. – Что случилось?

– Несчастье, – тихо пробормотал Линус. – Опрокинуть! – Давний пациент клиники не только жил в своем собственном мире, но и общался на выдуманном языке.

На протяжении многих лет он путал свою голову с блендером, который неумоимо пичкал – то через рот, то через нос – таблетками, коктейлями и порошками. Никто не мог точно сказать, от какого именно наркотика включился турборежим, но после того, как врачи скорой помощи реанимировали певца за кулисами, он был уже не в состоянии расположить слова собственной речи в правильном порядке. Даже буквы были перепутаны.

– Падахов, ессалам, – улыбаясь, выкрикнул он. Если Каспар еще сумел перевести «несчастье» как «несчастный случай», то эти искусственно образованные слова заставляли его теряться в догадках.

Судя по улыбке, Линус был рад неожиданному происшествию, но в его случае не стоило судить о внутреннем эмоциональном состоянии по внешним проявлениям. Когда в прошлый раз Каспар слышал, как смеялся музыкант, тому только что привязали руки к кровати. Для того чтобы не позволить ему в очередном психозе вырывать и есть собственные волосы.

– Посмотрим, что там? – спросил Каспар, и Линус взглянул на него так, словно его еще никогда в жизни так сильно не оскорбляли. Затем снова рассмеялся и, как озорной школьник, выбежал из палаты. Каспар пожал плечами и последовал за ним.

18:39

Линус уехал на лифте у него из-под носа, поэтому Каспару пришлось спускаться по старинной деревянной лестнице, которая лианой вилась вниз вокруг лифтовой шахты. Потертые ступени скрипели от каждого шага, и так как Каспар ступал осторожно, он чувствовал себя подростком, который ночью пытается выскользнуть из родительской квартиры.

«Я раньше так делал? Или был послушным задротом, который всегда приходил домой вовремя?»

Уже несколько дней он в любую свободную минуту пытался в соборной пустоте своей памяти отыскать ответы на самые тривиальные вопросы. Как звали его первую мягкую игрушку; в школе его любили или он был аутсайдером? Какая машина стояла у него в гараже? Какая у него любимая книга? Слушает ли он в определенные моменты какую-то песню? Кто его первая любовь? Его злейший враг? Он не мог этого сказать. Его воспоминания были как мебель в пустом доме, которую владелец накрыл тяжелыми простынями. До вчерашнего дня он еще хотел сорвать эти пыльники. А сегодня уже боялся, что под ними может скрываться ужасная правда.

«Я боюсь. Ты ведь скоро вернешься, папа?»

Когда Каспар, погруженный в мрачные мысли, добрался до первого этажа, Линуса уже след простыл. Вместо него навстречу Каспару вышла Ясмин Шиллер.

– Да, да, сделаю. Кто же еще? – Молодая медсестра раздраженно комментировала замечание Расфельда, который стоял в нескольких шагах в комнате Бахмана.

На лице Ясмин было написано недовольство от того, что она снова деградировала от шефа до девочки на побегушках. Затем голубой пузырь из жвачки закрыл две трети нижней части ее лица, и она, не здороваясь, проследовала мимо Каспара.

«Я делаю это лишь временно. Я певица, а не нянька для психов», – объяснила она Каспару уже на второй день, явно радуясь тому, что он не нуждается в помощи при походе в туалет. Она и правда сюда совершенно не вписывалась – со своей ярко-красной челкой, проволочным кольцом с колючками на большом пальце и вечно плохим настроением. Но Каспар догадывался, почему Расфельд терпел ее в своем элитарном окружении, несмотря на татуировки и пирсинг в языке. Ясмин любила свою работу. Она была отличным специалистом, но не хотела, чтобы другие это заметили.

По пути к ресепшен ноги Каспара увязли в толстом ковре, который тянулся по всему холлу. Ковровое покрытие производило на вновь прибывших приятное впечатление, не то что антисептический линолеум, привычный для клиник. То же самое касалось и комнаты консьержа. Дирк Бахман обожал Рождество. Хотя его брак был пока бездетным, он отмечал этот семейный праздник с полной самоотдачей и одержимостью деталями, словно надеялся получить какой-то приз. Частично застекленное помещение рядом с главным входом было забито таким количеством Санта-Клаусов, золотых ангелов, гирлянд, рождественских фигурок и пряничных домиков, что за ними можно было не заметить засыпанную серебряным дождем елку, которая была втиснута между металлическим столом и шкафчиком для хранения ключей.

– Господин профессор?.. – тихо позвал Каспар, чтобы не испугать руководителя клиники. Но главврач все равно вздрогнул от неожиданности.

– Опять вы? – Во взгляде Расфельда мелькнуло чувство вины, но тут же исчезло. – Я думал, что ясно выразился. Вам необходимо в постель.

«Как и вам», – подумал Каспар, стараясь не пялиться на темные круги под глазами руководителя клиники.

– Другие тоже очень взволнованы, – солгал Каспар. На самом деле, кроме него, Греты и Линуса, других пациентов не было. И если пожилая дама смотрела на полной громкости вос-

становленную телевизионную программу, то музыкант, похоже, уже потерял интерес к последним событиям. Во всяком случае, здесь, внизу, его не было. – Что там случилось?

Расфельд помедлил, затем неохотно помотал головой и кивнул на монитор. Видимо, он надеялся побыстрее избавиться от Каспара, ответив хотя бы на один его вопрос.

– Какая-то машина скорой помощи съехала с дороги перед нашим въездом, врезалась в телефонную будку и опрокинулась.

Каспар бросил взгляд на мерцающий экран. Значит, вот эти огни вспыхивали между деревьями. Голубая мигалка кареты скорой помощи все еще вращалась на крыше.

«Если за подъездной дорогой ведется видеонаблюдение, значит, должна быть и запись того, как я сюда поднялся?» – подумал он, но решил, что сейчас неподходящий момент, чтобы спрашивать об этом Расфельда.

– Я могу как-нибудь помочь? – вместо этого спросил он.

Сегодня вечером персонала было мало. Так как в клинике находилось всего три пациента, все врачи, кроме Софии, взяли выходной. Наплыв людей с праздничной депрессией ожидался только завтра во второй половине дня. В последнюю секунду. Когда мысль о том, что сочельник снова придется провести в одиночестве, становилась невыносимой неизбежностью.

– Нет, спасибо. Пока не нужно. – Расфельд улыбнулся. – Мы сами справимся. Фрау доктор Дорн и господин Бахман поехали вниз на снегоходе.

Словно в доказательство его слов камеры видеонаблюдения показали Софию и консьержа клиники.

– Иначе по такому льду вниз не съехать, и уж тем более не подняться.

Рация на зарядной станции рядом с монитором щелкнула, и послышался голос Бахмана:

– Думаю, здесь только один.

Расфельд снял мигающую трубку с зарядки.

– Он ранен?

– Сложно сказать, – ответила на этот раз София. – Мне кажется, водитель в шоковом состоянии. Мужчина сидит рядом с разбитой телефонной будкой. Момент.

Каспар не мог больше ничего разглядеть на экране, потому что спина Расфельда все загораживала.

– Черт, здесь еще кто-то, – щелкнула рация. – Машина перевозила пациента.

Каспар встал на цыпочки.

Боковое матовое стекло машины было разбито, и если он не ошибался, то изнутри беспомощно торчала окровавленная рука.

– Доставьте обоих наверх, – приказал он по рации.

– Хм, я не знаю. Может, лучше...

– Что? – накинулся он на Софию. – Запросить вертолет? Вызвать спасателей? Вы не хуже меня знаете, что машина въехала в таксофон и сломала его.

«А на территории клиники нет сотовой связи». Во рту у Каспара пересохло, и он закашлялся, словно подавился от этой мысли. Данная местность была одним из последних белых пятен на картах операторов сотовой связи. В глазах Расфельда – преимущество территории, так как важная часть психологического лечения состояла в том, чтобы оградить пациентов от негативного внешнего влияния.

Рация снова начала мигать.

– Дирк взломал двери, и я сейчас с пациентом, и я, о нет... боже мой!..

– Что? Что там? – Расфельд уставился на монитор, пытаясь что-нибудь разглядеть.

– Простите, у пациента в горле торчит нож.

– Он мертв?

– Нет, ему перфорировали трахею, однако он в сознании и равномерно дышит, но...

– Но что? – спросил вконец раздраженный Расфельд и рукой подал Каспару знак исчезнуть.

– Вы не поверите, кто это.

18:56

Ясмин вернулась и после резкого указания Расфельда отвела Каспара в палату, где на письменном столе его уже ждал поднос с ужином. Как обычно, повариха Сибилла Патцвалк больше усердствовала с украшением, чем с самими блюдами. Тяжелые серебряные приборы лежали на льняной салфетке, искусно сложенной в виде лебедя, суповая тарелка была декорирована петрушкой, а рядом со стаканом воды красовалась белая орхидея. Каспар снял полотенце с корзинки для хлеба, и голод проснулся в нем, как сторожевая собака, которая почуяла непогоду. Он не ел уже несколько часов.

Только он поднес первый кусочек ко рту, как снаружи раздался звук, похожий на треск газонокосилки, – такой громкий, что заглушал урчание у Каспара в желудке. Он отложил багет и подошел к мансардному окну. Мокрый снег повалил хлопьями, которые оседали на нижнем выступе рамы. Скоро он ничего не увидит через стекло. Уже сейчас ему с трудом удалось разглядеть снегоход, на котором София и Бахман привезли пострадавшего в клинику.

Каспар приоткрыл окно. Ударивший в лицо холод был таким интенсивным, что Каспару показалось, в глазах замерзает слезная жидкость. «Что я здесь делаю?» – спросил он себя. Дыхание поднималось у него изо рта, как табачное облако, и напомнило о дыме, запах которого он почувствовал, когда в палате Греты вдруг вспомнил больную девочку.

«Ты ведь скоро вернешься?»

Он закрыл окно, дошел до середины комнаты, крутанулся на пятке вокруг своей оси и почувствовал, как его внутреннее спокойствие пересекло критическую отметку. Таким образом он выяснил о себе нечто, что было чуть ли не важнее любых ясных воспоминаний: безучастно ждать не в его характере. Это осознание было значимее, чем множество мелких особенностей, которые он открыл в себе за последние дни – например, что носит часы на правой руке, сильно солит пищу, прежде чем приступить к еде, или что с трудом читает собственный почерк.

Тот факт, что все в нем требовало немедленно покинуть эту клинику, говорил также о том, что его легко ввести в заблуждение. Он предпочел дожидаться чуда от лечения, вместо того чтобы взять ситуацию в свои руки. На самом деле он просто спрятался – и не в клинике, а в таком месте, где его никому не найти: в самом себе.

Каспар открыл шкаф. Из восьми вешалок заняты были только четыре. И то лишь потому, что он раздельно повесил пиджак и брюки. Значит, у него будет немного багажа, когда он улизнет сегодня вечером.

Он вздохнул, раскладывая свое немногочисленное имущество на кровати. Большинство вещей были выданы в клинике или куплены Софией в городе, чтобы у него была хоть какая-то сменная одежда: несколько пар носков и нижнего белья, две пижамы, спортивный костюм и шлепанцы, туалетные принадлежности, а также исторический роман Петера Пранге, который он должен был вернуть в больничную библиотеку.

«Вся моя жизнь помещается в полиэтиленовый пакет», – подумал Каспар после того, как сунул все, что не хотел надевать на себя, в плотный мусорный мешок. Рюкзака или другой сумки у него не было, поэтому пришлось воспользоваться пакетом из мусорного ведра.

Затем он надел черный костюм, который был на нем в день поступления в клинику. Зимнее пальто на теплой подкладке перекинул через руку, в которой нес мешок. В другой руке он держал тяжелые ботинки на шнуровке. Каспар хотел надеть их после того, как преодолеет скрипучую деревянную лестницу.

«Ну, тогда все».

Каспар не стал в последний раз оглядывать свою уютную палату. Он погасил свет и вышел в тихий коридор с намерением больше никогда сюда не возвращаться.

19:06

Он медленно спускался по ступеням, счастливый тем обстоятельством, что сегодня в клинике так мало персонала и ему вряд ли мог кто-то встретиться. Но уже на втором этаже понял, что выбрал самый неудачный момент для того, чтобы незамеченным выбраться наружу. Каспар перегнулся через балюстраду лестничных перил. Снизу доносился громкий незнакомый голос. Очевидно, это был санитар, который, вопреки предположению Софии, находился ни в каком не в шоке, а говорил очень даже бегло.

– Йонатан Брук, сорок семь лет, рост метр восемьдесят пять, вес около девяноста килограммов, – монотонно говорил мужчина вниз. Его приятный баритон звучал серьезно, как голос ведущего новостей, если бы не раздражающие посторонние шумы, которые напоминали Каспару бульканье кофеварки. – Вероятно, находится под влиянием алкоголя и наркотиков. Владелец отеля на озере Тойфельсзе вызвал скорую помощь, когда уборщица нашла Брука без сознания в его номере.

Каспар услышал лязг металлической каталки, колесики которой, наверное, оставляли глубокие борозды в кремовом ковровом покрытии, и неожиданно понял, что означал булькающий звук. Он доносился из глотки пациента.

– А трахеотомия? – словно в подтверждение спросил Расфельд.

– Членовредительство. Я думал, он дрыхнет. Это была моя последняя поездка, я хотел быстро отвезти его в Вестэнд. Но потом – мы как раз проезжали мимо вашей подъездной дорожки – я смотрю в зеркало заднего вида и думаю, мне мерещится. Этот псих вскакивает, орет как ненормальный и засаживает себе нож в горло. Я ударяю по тормозам, теряю управление и врезаюсь в трансформаторную будку или что это там было. Ну, остальное вы знаете.

Разговаривая, Расфельд и санитар подошли к лифту и теперь стояли прямо под балюстрадой. Каспар находился всего в нескольких метрах над их головой, настолько близко, что слышал дыхание Брука, который хрипел так, словно кто-то через трубочку пытался высосать последние капли из бумажного стаканчика.

– Я прошу вас не называть пациента психом, – сказал Расфельд, словно ему нанесли личное оскорбление.

Каспар вздрогнул, заметив какое-то движение в непосредственной близости от себя.

Но затем догадался, что это всего лишь отражение в большом панорамном окне, которое находилось в кирпичной стене несколькими ступенями ниже. Шторм снаружи превратился в настоящую снежную бурю. Тусклые лучи фонарей в больничном парке слабо противостояли крупным, размером с монету, снежинкам. Они закручивались вихрем, напоминая Каспару белый пчелиный рой, который сливался перед его глазами в единую массу. Он сконцентрировался на отражении в стекле и на долю секунды увидел зловещее групповое изображение: двое крепких мужчин везли каталку, на которой лежало неподвижное тело с торчащим из горла швейцарским перочинным ножом. Двери лифта открылись с возмущенным скрипом, и картинка исчезла так же быстро, как в нос Каспару ударил запах. Запах пожара. Гари. Дыма.

Неужели это предвестники воспоминаний?

Каспар невольно отступил от лифта, словно воспоминания могли подняться к нему вместе с лифтом и внезапно выпрыгнуть из кабины. Его бросило в холод. А потом он вскрикнул – в тот самый момент, когда, пятясь, наткнулся на худую фигуру, которая все это время тайком наблюдала за ним из темноты.

19:10

Мужчина жевал жвачку, на руках у него были тонкие кожаные перчатки, но его выдали свежeweымытые волосы. Не помогло и то, что он курил в открытое окно. Табачный дым въелся в редкие пряди его волос, и когда он лихорадочно помотал головой, вокруг него распространился затхлый запах.

– Ладно, все в порядке, я тебя не выдам.

В клинике было запрещено курить, но особый цинизм ситуации заключался в том, что Линус закурил именно во время «дней спорта и велнеса» на вилле.

Значит, все-таки это не предвестники. Больше никаких воспоминаний.

– Пойм, я жентозать! – Уголки губ Линуса дернулись, он выглядел испуганным. Слишком испуганным для того, чтобы причиной этого стало нарушение внутренних правил клиники. Он беспокойно махал руками, словно пытался объяснить на языке жестов, что в случае его ограниченных возможностей коммуникации было, на взгляд Каспара, не такой уж плохой идеей.

– Что случилось? – спросил он.

Вместо ответа, Линус схватил его руку с пакетом и потащил за собой. Он открыл дверь напротив, на которой висела табличка «Фитнес-центр». В любом другом заведении это было бы обыкновенное помещение для лечебной гимнастики.

Каспар еще никогда сюда не заходил и поэтому несколько удивился современным высокотехнологичным тренажерам, которые стояли в спортзале с зеркальными стенами. Он окинул взглядом беговые дорожки, силовые скамьи и тренажеры для гребной тяги и только задался вопросом, для чего нужна мигающая резиновая лестница в углу, как Линус приложил палец к губам и выключил свет. Затем открыл стеклянную дверь, ведущую на небольшой балкончик. Неожиданно стало светлее, но это был лишь оптический обман: снежинки, крутившиеся теперь у их ног, отражали мигающие огоньки электронных спортивных снарядов.

«Вот, значит, где ты выкурил сигарету», – подумал Каспар и остановился. Линус снова замахал рукой. Очевидно, он хотел, чтобы Каспар следовал за ним. Наружу, на обледелый и покрытый мокрым снегом деревянный пол балкона.

– Эй, дружище, ты это видишь? – Каспар помотал головой и указал на свои ноги. – Я в носках на мороз не пойду.

– Я жентоозать, – прошипел Линус. На этот раз еще более нетерпеливо и испуганно. Затем сделал шаг назад, еще раз кивнул Каспару и через секунду исчез в темноте.

– Вернись! – крикнул Каспар. «Ты погибнешь». Его передернуло от этой мысли, прежде чем он успел ее озвучить.

И что теперь?

Он не мог терять времени. Расфельд и остальной персонал как раз отвлеклись на нового пациента. Удобный момент для того, чтобы незаметно улизнуть из клиники. Между тем Каспару вдруг показалось, что он сумел перевести вавилонскую тарабарщину Линуса.

«Пойм, я жентозать» – «Пойдем, я должен тебе что-то показать».

Проклятье. Возможно, Линус с криком побежит за ним, если Каспар сейчас развернется и уйдет, а такое внимание ему было ни к чему.

Каспар натянул ботинки и накинул на плечи пальто. Жалюзи на окнах были опущены на одну треть, а Каспар был на две головы выше Линуса, поэтому ему пришлось нагнуться, чтобы выйти на балкон. Ледяной ветер уперся в него, как невидимый привратник, который хочет помешать посторонним проникнуть в его царство холода.

Каспар еще больше согнулся и обхватил себя руками. Ветер немного ослабел, благодаря выступу эркера слева, который защищал от метели, но не от сибирских температур. Линус, тоже стоявший с подветренной стороны, опять приложил палец к губам.

– Тнизу, – прошептал он и указал на красный снегоход, который был припаркован перед входной дверью. Большая часть машины находилась под навесом. Лишь острая морда выдавалась на заснеженную дорожку. Еще теплая, так что снежинки, опускаясь на нее, тут же таяли.

– О чем ты? – Каспар нагнулся вперед, но увидел еще меньше, потому что вышел из укрытия эркера. Снег летел прямо в глаза. Каспар заморгал и наклонил голову, сердясь на себя за безрассудство. Вместо того чтобы пробраться мимо Бахмана и сбежать из клиники, он теперь стоял со склонным к психозам пациентом в темноте на обледенелом балконе.

Только он хотел вернуться, как ветер поменял направление. А с ним изменилось и восприятие Каспара. Неожиданно он его увидел.

Пятно. В снегу. Оно начиналось у задней правой гусеницы и тянулось в сторону входа в клинику. В матовом свете, который падал из комнаты Бахмана, пятно напоминало желтую лужицу мочи, но Каспар сразу понял, что это на самом деле.

Бензин.

Либо шланг топливного бака вырвался сам, либо ему кто-то помог.

Но почему? Зачем кому-то выводить из строя единственное транспортное средство, способное перемещаться в такую непогоду?

Он хотел было спросить Линуса, знает ли тот, кто ковырялся в снегоходе, как музыкант рванул его назад в тень эркера. За секунду до того, как Бахман, неожиданно появившийся за снегоходом, успел взглянуть вверх в их сторону.

19:18

Вообще-то он вернулся в свою палату лишь затем, чтобы дожидаться, когда консьерж клиники наконец покинет зону ресепшен и начнет обход. Но сегодня, похоже, все шло не по плану, и Каспар понял, что его побег – если это вообще был побег – все больше усложнялся. Он торчал здесь без какой-либо связи, а теперь еще и консьерж по непонятной причине вывел из строя транспортное средство, которое Каспар собирался одолжить для спуска по снегу. Плевать. Он и так доберется вниз, в крайнем случае сидя на своем полиэтиленовом пакете.

Ни при каких обстоятельствах он не проведет здесь еще одну ночь. И не только из-за жуткой мысли, что мог оставить где-то свою нуждающуюся в помощи дочь.

Он чувствовал, что с загадочными новоприбывшими в клинику проникло что-то еще, чего лучше сторониться. Угроза, невидимая, как вирус. Она распространялась, нарушала отработавшую вечернюю рутину маленькой клиники и, как он сейчас выяснил, даже нашла путь в его одноместную палату.

Что здесь происходит?

Каспар замедлил шаг, подходя к своей двери. Она была распахнута, а в палате горел свет, хотя он погасил его всего несколько минут назад.

Какого черта?

В коридоре послышались два взволнованных голоса. Один принадлежал Софии, которая своим вопросом «Что вы задумали?» словно озвучила мысли Каспара. Каспар тоже не мог объяснить вид, который открылся ему, когда он дошел до своей палаты. Почему этот парень стоял в грязных сапогах на его письменном столе и протягивал руку к окну?

– Мне казалось, у меня только что был столбик, – рассмеялся молодой мужчина.

Каспар узнал санитаря по голосу, который совершенно не подходил его внешности. Почему-то он представлял себе водителя совсем по-другому. Погрубее, с синяками под усталыми глазами, которые говорили о долгих ночных сменах. Однако перед ним стоял прототип избалованного яппи, какого ожидаешь увидеть скорее в нарциссическом двухместном автомобиле, чем за рулем кареты скорой помощи.

– Столбик? – удивилась София.

– Ну, или как там называют этот индикатор на дисплее.

Санитар спрыгнул со стола и показал Софии крошечный сотовый телефон.

– Я думал, может, здесь под крышей будет сигнал. Простите. – Он бросил на Каспара дружеский взгляд, затем снова посмотрел на врача.

– Дверь была открыта, я только проверил, нет ли здесь связи.

София едва слышно щелкнула языком и осуждающе стряхнула грязь от сапог со стола.

– Мобильные телефоны не работают на всей территории клиники. – Напряженная поза Софии говорила, что она думает о санитаре.

Каспар тоже изучал парня, словно это был противник на боксерском ринге. При этом худой мужчина выглядел вполне безобидно, благодаря гладкому подбородку и коротким волосам, уложенным гелем вперед. В другой ситуации Каспар даже не обратил бы внимания на юнца, но ему не понравилось, что тот игриво подмигивал Софии.

– Пожалуйста, спуститесь на первый этаж, и господин Бахман покажет вам вашу комнату, – сказала она.

Молодой человек улыбнулся:

– Значит, вы действительно хотите, чтобы мы вместе провели здесь ночь, фрау доктор?

София едва заметно закатила глаза.

– О моих желаниях речь не идет, господин Шадек. К сожалению, мы здесь застряли.

К радости Каспара, она проигнорировала просьбу санитаря называть его Томом.

– Но ваше руководство ведь наверняка пошлет кого-то к машине скорой помощи, если вы своевременно не сообщите о своем возвращении?

– Вряд ли. – Шадек помотал головой. – Это был мой последний выезд, затем я должен был поехать домой. На станции меня ожидают лишь завтра в обед.

София с сожалением пожала плечами.

– Ну, как бы то ни было, пробираться в темноте сквозь метель смысла не имеет. По прогнозу, погодные условия улучшатся завтра утром, а дороги скоро очистят от снега и обработают реагентами. И тогда мы вместе, при дневном свете, начнем спуск вниз.

«Вниз», – повторил про себя Каспар и поставил полиэтиленовый пакет рядом с кроватью.

Из уст Софии это прозвучало так, словно они находились на головокруговетельной высоте – на крутой вершине отвесной скалы, у подножия которой бились волны темного океана.

– Значит, это не шутка? Я и правда должен остаться здесь на ночь? В этой... – Было заметно, с каким трудом Том проглотил слово «дурка», которое вертелось у него на языке.

– Вы абсолютно ничего не должны, – возразила София. – Можете попробовать. До ближайшего дома от нас не более получаса пешком, но я полагаю, через лес вам придется ползти на четвереньках. При минус семи. И температура понижается.

– А если что-то случится?

– Что вы имеете в виду?

– Если Бруку станет хуже. Как мы вызовем помощь?

Вопрос Шадека звучал резонно, но Каспар догадывался, что санитар на самом деле хотел намекнуть на что-то другое.

– Не волнуйтесь. У нас отличное оборудование, – ответила София. – Похоже, что нож не нанес серьезных внутренних травм. В худшем случае повреждены только голосовые связки. Сейчас профессор обработает рану и введет доктору Бруку препараты, чтобы трахея не отекала. Когда он проснется, у него будут боли и, вероятно, он не сможет говорить, но в любом случае выживет.

– Могу я вас попросить?

София кивнула на дверь, и Том заулыбался, словно получил приглашение на свидание.

– С превеликим удовольствием. – На прощание санитар коснулся указательным пальцем лба. – Может, я одолжу ваш снегоход и хотя бы доберусь до своей рации.

– Удачи, – пожелал ему Каспар и упустил момент, когда мог упомянуть лужу бензина, которую ему только что показал Линус.

София последовала за Томом и, проходя мимо Каспара, взяла его за руку.

– Прошу прощения за беспокойство, – прошептала она и грустно улыбнулась.

Его меланхоличное настроение исчезло – пусть лишь на мгновение, – но тут же вернулось, когда Том еще раз повернулся в дверях.

– А можно я переночую в вашей комнате, фрау доктор? Я боюсь оставаться в темноте.

Затем он рассмеялся и поднял обе руки, как при вооруженном налете на банк.

– Эй, да я просто пошутил.

Каспар хотел ответить что-нибудь подходящее, но слишком отвлекся на рубцы от ожога на правой ладони Тома. Они напоминали его собственные. Правда, в отличие от неровностей кожи на груди Каспара, у Шадека они образовывали геометрический узор.

Каспар не был уверен, но ему казалось, что Тому довольно неумело вывели старую татуировку в виде свастики.

19:24

Не прошло и минуты, как София снова просунула голову в дверь.

– Между прочим, это и вас касается!

– Что? – спросил он и ногой подвинул полиэтиленовый пакет под кровать. Слишком поздно. София вошла и указала сначала на его ботинки, потом на зимнее пальто, которое Каспар забыл повесить в шкаф.

– Пожалуйста, не делайте сегодня вечером никаких глупостей.

– Я должен, София. Я уже слишком долго здесь нахожусь.

– И куда вы направитесь? В такую погоду? В вашем наряде? Без денег?

– Я пойду в полицию, – сообщил он ей план, который придумал в эту секунду. Похоже, тщательное планирование наперед не относилось к его сильным качествам, признался он сам себе.

– Но мы ведь обсуждали это сегодня. Расфельд согласился, чтобы вы лично пообщались с полицией и прессой.

– Когда? – Каспар встал с кровати и почесал один из рубцов под футболкой. – Завтра? Послезавтра? После Рождества? Все это слишком долго. У меня больше нет времени.

София так сильно замотала головой, что волосы упали ей на лоб.

– Послушайте, мне не нравится выжидательная тактика Расфельда. Но в одном я разделяю его мнение: в вашем состоянии еще слишком опасно самостоятельно покидать клинику.

– Возможно. Но я не могу думать только о себе.

– Вы говорите о девочке?

Каспар кивнул.

– Очень жаль, но с тех пор, как я увидел ее образ, мне кажется, что я задыхаюсь здесь внутри. Я срочно должен выбраться отсюда.

– Мы ведь даже не знаем, ваша ли это дочь. Может, ее даже не существует?

– Возможно, но... – Каспар задумался, пересечет ли черту следующей фразой. – Но если вы завтра уйдете, я и так останусь один. Здесь больше не будет никого, кому я могу доверять.

София окинула его долгим взглядом и печально улыбнулась.

Телефон в кармане ее халата сигнализировал о внутреннем вызове, но она проигнорировала его. Очевидно, внутрибольничная связь все еще работала.

– Понимаю, – сказала она, когда телефон замолчал. – Но все равно хочу попросить вас об одном одолжении, Каспар.

– О каком?

Она указала на мансардное окно. Снег залепил стекло, как светонепроницаемые жалюзи.

– Переспите с этой мыслью еще одну выюжную ночь. Завтра утром, прежде чем я уйду, мы поговорим еще раз.

– Что это даст?

– Если завтра утром вы будете все так же решительно настроены, я не стану вас останавливать.

– Но...

– Но я сообщу вам информацию, без которой вам ни в коем случае нельзя покидать клинику. Особенно если вы хотите пойти в полицию.

Лишившись дара речи, Каспар безмолвно открыл рот. В ухе зазвенело, словно внутри лопнул крошечный сосудик. Внезапно он почувствовал себя беспомощным. Как если бы врач сообщил ему, что он скоро умрет.

– Какую информацию? – прошептал он.

София опять помотала головой и взглянула на телефон, который снова энергично зазвонил.

– Завтра утром, Каспар! Не сейчас.

Звон в ухе стал громче, как и его голос.

– Я хочу узнать это немедленно!

– Понимаю, но это невозможно.

– Почему?

– Сначала мне нужно убедиться.

– В чем?

Каспар и София вздрогнули, когда в дверях раздался третий голос.

Из-за телефонного звонка они не услышали, как подошел Расфельд.

– В чем вы хотите убедиться? – с подозрением спросил главврач и, словно обличая, указал на них беспроводным телефоном. Пока Каспар с пересохшим горлом пытался сглотнуть, София уже взяла себя в руки.

– Он... м-м-м... то есть пациент попросил снотворное, но я сказала, что должна сначала переговорить с вами.

Расфельд одобрительно кивнул, видимо довольный уважением к своему авторитету.

– Хорошо, но это может подождать, фрау Дорн, – сказал он тоном не терпящим возражений и вывел врача из палаты. – Я уже столько времени пытаюсь до вас дозвониться. Ваша помощь нужна в операционной.

Еще долго после того, как Расфельд и София оставили его наедине с мучительными вопросами, в голове у Каспара звучало таинственное обещание врача: «Я сообщу вам информацию, без которой вам ни в коем случае нельзя покидать клинику».

Голос Софии не утих и тогда, когда спустя два часа Каспар лег на кровать и закрыл глаза, чтобы привести в порядок свои мысли. Что еще находилось в его папке, содержанием которой Расфельд так неохотно делился?

«Сначала мне нужно убедиться».

Он хотел встать, чтобы поискать Софию в клинике, но заметил, что не может открыть глаза.

Каспар попытался собрать всю волю в кулак. Тщетно. События дня слишком утомили его и без того измученную душу. Он заснул.

00:26, сочельник – три часа и двенадцать минут до страха

Дым был живым существом. Роем микроскопических клеток, которые проникали через кожу, чтобы уничтожить его изнутри.

Частицы нацелились на его легкие и продвигались вниз по трахее в бронхи. Он закашлялся.

Обычно в этот момент он просыпался от кошмара и оказывался в мире, где его воспоминания охватывали лишь десять последних дней. Но сегодня он продолжал спать, словно горящий автомобиль, в котором он застрял, не хотел выпускать его этой ночью.

Пока он не бросил взгляд на фотографию, которая лежала на пассажирском сиденье рядом. Жар был уже настолько невыносимый, что края снимка начали загибаться и лицо мужчины на нем становилось все сложнее разглядеть.

Каспар беспокойно дернул ногами. Это был неприятный момент между сном и пробуждением. Состояние, при котором вязкое сознание медленно возвращается в реальность. Он хотел ускорить эту метаморфозу и самостоятельно высвободиться из кошмара.

Поэтому он отстегнул ремень безопасности и наблюдал за языками пламени. Они вырывались из приборной панели прямо перед ним на уровне груди и уже начали лизать его рубашку. На мгновение перед внутренним взором мелькнула покрытая рубцами ладонь Тома, когда он уже потянулся к огню, чтобы воображаемая боль наконец-то вырвала его из этого липкого сна.

Но в конце концов он проснулся от того, что его кто-то сильно тряс.

Каспар открыл глаза, горящий автомобиль исчез, вместо этого над его головой склонился перепуганный Линус. Кончик его носа был так близко, что Каспар мог бы дотянуться до него языком.

– Софипошь, – сказал он. Это был скорее хрип, звук, в который превращается голос, когда пытаешься говорить шепотом, а на самом деле хочется кричать.

– Только не надо опять, – устало зевнул Каспар.

Линус страдал бессонницей и бродил по клинике по ночам, если не мог уснуть.

– Софипошьпациувать. – Музыкант схватил его за руку и попытался вытащить из постели. От того, что он был полуголый, в одних заляпанных пижамных штанах, которые едва держались на его тощих бедрах, ситуация выглядела еще более абсурдной.

– Послушай, ты не можешь... – начал было Каспар. Но тут и он это услышал: глухой грохот этажом ниже. Словно кто-то приподнимал тяжелый стол и бросал его обратно на паркет. Каспар посмотрел на часы. Двадцать семь минут первого. Неподходящее время для перестановок.

– Что случилось? – спросил он, одновременно соображая, кто или что находилось этажом ниже под ними.

– ...увать... увать... – Линус несколько раз повторил это слово и выпустил руку Каспара, когда увидел, что тот наконец поднимается со своей смятой постели.

– Пойм.

– Да, да, я пойду с тобой.

Каспар принялся искать свои тапочки. Но тут грохот под ними перешел в глухой шаркающий звук, словно кто-то с большим трудом пытался перетащить мокрый ковер из одной комнаты в другую. Так что он решил не терять больше времени.

В то время как Линус с грохотом спускался по лестнице, Каспар старался не слишком шуметь – на случай, если ночной суматохе было безобидное объяснение. Но после событий последних часов ему самому в это не верилось, к тому же на последней ступени в голове у него пронеслось слово, с которым Линус его разбудил.

«Софипощь».

София... Помощь.

Он завернул за угол в темный проход и удивился, почему здесь не сработали датчики движения. Обычно потолочное освещение включалось автоматически, когда кто-то входил в коридор. Но сейчас свет проникал только из дальней комнаты, перед ее широко распахнутой дверью стоял Линус, заломив руки за голову, и сильно дрожал.

И тут, в тот самый момент, когда Каспар ощутил леденящий холод, который шел из комнаты в коридор, он сумел перевести и остаток загадочной белиберды: «Пациувать».

«Пациент. Убивать».

Он заглянул в комнату. Здесь на четвертом этаже находились «тяжелые» случаи. Интенсивная медицинская помощь. Запираемые помещения с гидравлическими кроватями и электронными приборами рядом с ночным столиком.

«София. Помощь. Пациент. Убивать».

Каспара бросило в дрожь, когда он увидел инфузионную стойку, которая, как немой слуга, стояла со свисающими катетерами рядом с пустой кроватью. Он заметил, что его дыхание превращается в пар, – потом все замедлилось. Теперь он чувствовал себя сторонним наблюдателем, который с интересом рассматривает фотоальбом, в котором нужно каждый раз перевернуть страницу, чтобы глаза передали мозгу новую жуткую картинку.

Открытое окно. Мужчина. Одна нога на батарее, другая уже снаружи. Линус, пытающийся протиснуться мимо Каспара. Искривленное в болезненной улыбке лицо мужчины, который еще раз оборачивается. Показывает на повязку на шее. Мотает головой. И бросается вниз.

В тот момент, когда снежная мгла поглотила пациента, все снова ускорилося, и первое реальное воспоминание запуталось в дырявом неводе его памяти. Каспар знал человека, который только что выпрыгнул из окна. Его лицо было знакомо ему, как и запах горелой бумаги, который снова наполнил его нос. Каспар часто видел Йонатана Брука. Последний раз несколько минут назад, незадолго до того, как Линус разбудил его. Его лицо красовалось на фотографии, которая ночь за ночью сгорала в его кошмарах на пассажирском сиденье машины.

– Что здесь происходит? – спросил он Линуса, который перегнулся через подоконник. Каспар не был уверен, трясется ли тот от холода или страха.

– Софипощьпациувать, – прозвучал привычный ответ, но Каспар не мог нигде найти врача. Что с Софией? Он не понимал ни Линуса, ни себя. Откуда он знал этого мужчину? Зачем Брук прыгнул в метель в одной тонкой больничной рубашке? И почему Линус опять с диким страхом в глазах выбегал из палаты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.